

Г. Ильинский

Т.Д. ФЛОРИНСКИЙ КАК ИСТОРИК СЛАВЯНСТВА. (К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ)

I

В мае 1929 г. исполнилось десять лет со дня трагической смерти виднейшего из русских славистов старшего поколения, профессора Киевского университета Т.Д. Флоринского. Так как его могила в России до сих пор остается без литературного креста, то не мешает оживить в памяти его заслуги как историка славянства. Но прежде, чем это сделать, припомним главные факты его жизни.

Он родился 28 октября 1854 г. в Петрограде в семье протоиерея Петропавловского собора Д.И. Флоринского. По окончании 3-й Петроградской гимназии Флоринский поступил в 1872 г. в университет, в котором уже с первых лет он сосредоточил свои занятия в области славяноведения, работая под руководством профессоров И.И. Срезневского, В.И. Ламанского и В.Г. Васильевского. На заданную факультетом тему “Критический разбор свидетельств Константина Порфирородного о южных славянах” он написал сочинение, награжденное золотой медалью и раскрывшее перед ним двери к преподаванию в высшей школе. Так, в продолжение 1880–1882 гг. Флоринский читал лекции на Высших женских курсах, учрежденных проф. К.Н. Бестужевым-Рюминым.

Через пять лет после окончания университета, т.е. в 1881 г. Флоринский выдержал испытание на степень магистра славянской филологии, а 20 декабря того же года защитил в стенах родной alma mater диссертацию на ту же степень, под названием “Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.” (СПб., 1882). Через несколько месяцев (именно в феврале 1882 г.) Флоринский уже избирается Советом Киевского университета доцентом по кафедре славянской филологии, только что осиротевшей после смерти Я.Л. Котляревского, а потом после защиты докторской диссертации “Памятники законодательной деятельности Стефана Душана” (Киев, 1888) и профессором.

На этом посту около 40 лет Флоринский с честью держал знамя своей науки почти до последних дней своей жизни, небогатой внешними событиями, из них я назову лишь избрание его в члены-корреспонденты Российской Академии наук, – но весьма обильной научными результатами.

На Флоринского установился взгляд, как на одного из наиболее видных представителей “школы Ламанского”. Хотя сам Флоринский этого не отрицал и даже не без чувства гордости называл себя его учеником, однако, к своему счастью, как историк, он всегда находился под гораздо более сильным влиянием другого своего учителя, акад. В.Г. Васильевского. Мы говорим “к счастью” потому, что ни для кого не является теперь тайной, что покойный В.И. Ламанский, при всем моральном обаянии своей личности, в

методическом отношении не только ничего не давал своим ученикам, но зачастую оставлял их совершенно беспомощными. Если, не смотря на это, Флоринский сумел стяжать себе крупное имя в русской исторической науке, то этим он обязан, кроме своих личных дарований, главным образом руководством В.Г. Васильевского. Влияние знаменитого русского византиниста обнаруживается не только в научных приемах работ Флоринского и, в частности, в их строгой документальности и фактичности, но и в самом выборе тем для исследований: за ничтожными исключениями, почти все они касаются таких моментов и событий югославянской истории, которые находятся в теснейшей связи с византийской. Поэтому Флоринский с полным правом может быть назван столь же славистом, сколь и византинистом.

Такой двойственный византийско-славянский интерес имеет уже первый сравнительно крупный печатный труд Флоринского – “Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П.И. Севастьянова” (СПб., 1880). В нем автор ознакомил ученый мир с результатами своих библиографических изысканий в области важнейшего отдела наследия известного русского археолога П.И. Севастьянова, его многочисленных фотографических копий с афонских, греческих и славянских грамот. Путем тщательного и в высшей степени кропотливого исследования Флоринский не только установил весь намеченный *quantum* документов, но и многие из них издал либо в полном виде (как, например, все грамоты Стефана Душана), либо в извлечениях. Главной части труда предпослано интересное введение, в котором автор, охарактеризовав в кратких, но метких штрихах значение Афона как центра духовного и культурного общения двух народностей – греческой и славянской – подробно выяснил положение дела описания актов как до знаменитой экспедиции П.И. Севастьянова на Св. Гору, так и после нее. В общем книга Флоринского весьма удачно расчистила уголок совершенно запущенного в его время поля южнославянской и византийской дипломатики.

Если в своих “Аѳонскихъ актахъ” Флоринский выступил как тщательный библиограф и издатель, то в статье “Константинъ Порфирородный какъ писатель о южныхъ славянахъ передъ судомъ новѣйшей критики” (ЖМНП. ССХІІІ (1881). Стр. 139–170 и ССХV (1881). Стр. 300–322) он проявил себя вдумчивым мастером исторической критики. Именно вновь вышедшие замечательные исследования К.Я. Грота (Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ. СПб., 1890) и Ф. Рачкого (Vjela Hrvatska i Vjela Srbija. Zagr., 1880) дали ему повод поставить вопрос, в какой степени справедливо сделавшееся с легкой руки Дринова и Рачкаго модным мнѣніе о Константине Порфирородном, как о писателе в высшей степени неточном, бестолковом и вообще некритическом. Флоринский находит такой скептицизм преувеличенным даже в той его весьма умеренной форме, в которой он высказан Гротом в его только что указанном сочинении. Рядом дельных соображений Флоринский доказывает, что как инкриминируемое сочинение Константина (“De administrando imperio”), так и другие (“О церемоніяхъ византийскаго двора”, “Жизнь императора Василя”), по стройности изложения, систематичности в распределении материала и сравнительной точности своих фактических данных, стоят нисколько не ниже подобных трудов других византийцев. В частности, Флоринский снимает обвинение с Константина, что он смешивает авар со славянами, объясняя единственное место, где такое смешение наблюдается (29 гл. De adm. imp.), ошибкой переписчика

или позднейшей вставкой; подтверждает новыми соображениями известие Багрянородного о завоевании Далмации аварами и не находит ничего невероятного в сообщении венценосного писателя о передаче императором Ираклием Далмации сербо-хорватам путем особого соглашения. И известие о Белой Хорватии и о Белой Сербии, по мнению Флоринского, служит лишь *ad majorem gloriam* византийского императора, показывая, что он имел об этих странах хоть и смутное, но, по существу, верное представление. Что касается их границ, то Флоринский считает локализацию Шафарика несколько не поколебленной и после возражений Рачкого.

Из эпохи первоначального расселения сербо-хорватов в эпоху наивысшего расцвета их могущества переносит нас замечательная и теперь еще мало устаревшая историческая монография Флоринского “Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.” (2 вып., СПб., 1882). Здесь автор считает даже ненужным “останавливаться на выяснении тесной связи, существующей между историей южных славян и историей Византии. Изучение той и другой должно идти рука об руку. Отделение южных славян от Византии и, обратно, Византии от южных славян немислимо. Это один мир, живущий общей жизнью, долженствующий иметь и общую историю” (стр. 1).

Стоя на такой точке зрения, автор, естественно, должен был предположить изложению драматической эпохи Душанова царствования обширный очерк состояния Византии во второй четверти XIV в. Он занял собой весь первый выпуск монографии. Кроме обстоятельного политико-географического обзора греческого мира накануне окончательного утверждения турок в Европе мы находим здесь подробный рассказ о завоевании Византийской империи и о восстановлении ее Палеологами, о политической деятельности императора Андроника Младшего и великого доместика Иоанна Кантакузина, о гражданской войне в империи 1341–1347 г. и о царствовании Иоанна Кантакузина (1347–1354). Все это изложено на основании внимательного изучения первоисточников, что дало возможность автору сделать не мало поправок и дополнений к предшествующим трудам Zinkeisen’a, Hopf’a и Heyd’a.

Еще более самостоятельный характер имеет вторая часть монографии Флоринского. Хотя центром тяжести изложения здесь является величественная личность Стефана Душана и его политическая деятельность, но автор то и другое рисует, конечно, на фоне византийско-славянских отношений. Бросив общий взгляд на ход сербского исторического процесса до Душана, Флоринский сообщает биографические сведения о Душане, рассказывает о первых походах его на юг, участии в византийской усобице и завоевании Македонии, подробно описывает венчание его на царство и тщательно раскрывает виды Душана на Царьград. Описав сношения сербского царя с Венецией и новые войны с Византией, автор подробно выясняет его отношение к славянскому вопросу на Балканском полуострове и к притязаниям латинского запада. И справедливость требует сказать, что распутывая клубок политических противоречий, который представляет собой государственная деятельность Душана, Флоринский нигде не сходит с пьедестала истинно-научного беспристрастия и в заключении своего труда совершенно верно указывает, что причина катастрофы Сербии во второй половине XIV в. заключалась в несоответствии грандиозных планов великого царя внутренним силам основного сербского ядра его чрезвычайно пестрого в этнографическом отношении государства.

Прямое продолжение и отчасти подтверждение идей, разработанных Флоринским в первой части его диссертации, представляет его статья “Политическая и культурная борьба на греческомъ востокѣ в первой половинѣ XIV в.” Киевъ, 1883 (Отд. отт. из Киев. Унив. Изв.). Поводом к ней послужил вышедший в 1880 г. в Венеции сборник грамот, освещающих отношения царицы Адриатики к греческому востоку в период 1300–1350 гг. (“Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia”). На основе богатого и часто совершенно свежего материала этого сборника Флоринский подробно рисует положение поработанных латинами греков и взаимные отношения Венеции и Византии; описывает планы и проекты крестовых походов для вторичного завоевания Византии и изгнания турок из Европы и выясняет причины антагонизма отдельных государств в борьбе за экономическое и политическое преобладание на Востоке. В результате автор приходит к выводу, что “вина за турецкий погром ложится не на одну Византию. Оказывается, что если Византия и была слаба в данное время, то ответственность за эту слабость падает в значительной степени на западно-христианский мир, который, систематически разрушая восточную империю, не только никогда не думал об оказании помощи грекам, а, напротив, всегда готов был действовать с их врагами, хотя бы и не христианами” (стр. 8).

Если не органическим, то хронологическим дополнением главной исторической монографии Флоринского является статья “Новые материалы для истории Греции въ средніе вѣка” (Киев. Унив. Изв., 1863). Это не что иное, как весьма обстоятельный реферат о первой серии капитальных “*Monumenta historiae Hellenicae*” (Paris, 1880–1883, 4 тома) Н. Сафы. Автор подробно выясняет здесь громадное значение для истории Европы XV в., опубликованных знаменитым греческим ученым документов, которые все извлечены из венецианских архивов; в частности, по словам рецензента, особенно интересны акты, характеризующие положение греческого народа под венецианским владычеством. Не оставляет без своего комментария Флоринский и предисловие Сафы ко всем четырем томам его монументального сборника, справедливо отмечая, что узко национальное направление издателя не всегда благоприятно отражается на внутренней ценности его изложения. Так, например, вопрос о славянах Греции решается или не достаточно беспристрастно, или не вполне всесторонне.

II

От политической деятельности Стефана Душана Флоринскому естественно было перейти к изучению его деятельности внутренней. Судьба не позволила ему представить всестороннюю характеристику этой деятельности, но зато он заложил для ее исследования прочный фундамент в виде “Памятников законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков” (Киев, 1888). Как показывает уже заглавие книги, этот капитальный труд представляет собой исследование той грандиозной кодификации византийского права на сербской почве, которая была совершена, по предложению сербского царя, знаменитым Скопским собором 1349 г. Согласно выводам Флоринского, эта кодификаторская работа была произведена в гораздо более широком масштабе, чем до сих пор было принято думать: не так называе-

мый “Законник” Душана находился в ее центре, а византийские сборники гражданских и церковных законов в том их виде и системе, в какой они являются в так называемой “Синтагме Матвея Властаря” и “Законе царя Юстиниана”; сербский же “Законник” был издан лишь как дополнение к двум последним, и в этом отношении его роль мало чем отличалась от многочисленных хрисовулов Стефана или, как мы сказали бы теперь, его многочисленных указов. Это откровенное подчинение сербской стихии византийской, в деле законодательства, находилось в полной гармонии со страстным увлечением Душана византизмом – увлечением, вследствие которого он в своей внешней политике чувствовал себя гораздо более царем греков, чем королем сербов. Исходя из этих положений, Флоринский и рассматривает в своей книге: 1) хрисовуллы, простагмы и новеллы Душана как на сербском, так и на греческом языке; 2) “Законник” Душана и 3) сербские компиляции византийских законов, т.е. сокращенную Синтагму Матвея Властаря и Закон царя Юстиниана. В приложениях к своему труду Флоринский издал “Законник” Душана по 4-м спискам и “Закон” царя Юстиниана по 4-м спискам, а также несколько грамот из Меникейского кодекса, приписываемых Душану.

Хотя главное положение Флоринского, что “Законник” царя Душана представляет собой, в сущности, лишь незначительную часть обширного кодекса, встретило возражение со стороны знаменитого сербского слависта Новаковича в его блистательном труде “Законник Стефана Душана цара српског 1349 г. и 1354 г.” (Беогр., 1897), где доказывается, что упомянутые византийские сборники не имеют никакого отношения к сербскому кодексу и возникли совершенно особым путем, однако вряд ли аргументацию покойного сербского академика можно признать основательной. Новакович, к сожалению, игнорирует главное и наиболее ценное наблюдение Флоринского, что находящаяся при тексте синтагма Матвея Властаря включает в себе менее одной трети материала, сравнительно с греческим подлинником, и что этот материал носит на себе все признаки самостоятельной обдуманной переработки, совершенной по определенному плану и с ясной намеченной целью. Эти соображения так многозначительны, что побуждают признать наблюдения Флоринского одним из самых важных открытий в области славянской филологии последнего времени.

От законодательной деятельности величайшего сербского царя Флоринский перешел к изучению законодательной деятельности величайшего болгарского царя. Именно в 1904 г. в “Сборникъ статей по исторіи права, посвященныхъ М.Ф. Владимірскому-Буданову” (Кіев), он поместил весьма ценный этюд под названием “Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права” (стр. 404–429). Речь идет об одном из самых загадочных памятников славянской письменности – о “Законе Судном Людем”. Ознакомив читателя с общим ходом развития вопроса, Флоринский пытается выяснить всесторонне генезис памятника и в результате приходит к следующим выводам: 1) “Закон Судный Людем” есть произведение эпохи царя Симеона; 2) он есть продукт не частной инициативы, а законодательный акт государственной власти и 3) главным источником “Закона” послужила византийская “Эклога”. “Составитель или составители болгарской компиляции в одних случаях дословно переводили некоторые статьи Эклоги, в других случаях более или менее значительно изменяли и переделывали греческий текст. Эти измене-

ния и переделки различного рода. Иногда они состояли в простом распространении или, наоборот, сокращении греческого текста без изменения основного смысла рецепируемой статьи; иногда византийский закон является в своеобразной бытовой редакции (жупаны, кметищи) и содержит дополнения, объясняемые местными условиями и обычаями; наконец, во многих случаях изменения касаются существенной стороны закона, суровые наказания, налагаемые Эклогой, заменены другими, более гуманными. Таким образом, “Закон Судный Людем” необходимо признать не простой компиляцией из Эклоги, а славянским (болгарским) сборником законов, основанных на сравнении их с византийским первоисточником” (стр. 426–427).

Третий славянский законодательный памятник, обративший внимание Флоринского – это “Дубровницкий статут” 1272 г. (“Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В.И. Ламанскаго”. СПб., 1905, Стр. 491–506). По поводу вышедшего в 1904 г. первого критического издания этого драгоценного памятника дубровницкой истории, приготовленного на средства Югославянской академии наук трудами Богишича и Иречка (*Liber statuturum civitatis Ragusiae, compositus anno 1272. Zagrabiae, 1904*), Флоринский поставил вопрос, в какой степени в этом статуте отразилось влияние славянского обычного права. Издатели памятника оставили его открытым, но Флоринский справедливо указывает, что хотя эпоха, когда вырабатывался Дубровницкий статут, совпала с эпохой политической зависимости Дубровника от Византийской республики, и потому мало благоприятствовала широкому усвоению дубровницким законодательством славянской стихии, тем не менее статут не может считаться совершенно свободным от всякого славянского влияния. Доказывают это, по мнению Флоринского, хотя бы институт *stanak'a* (*stanicus*) и известный род денежного взыскания (*vrasda*). Не так отчетливо, но все же в достаточной степени сильно славянское влияние отразилось в законоположениях Дубровницкого статута по семейному праву. Хотя, таким образом, “славянские элементы в Дубровницком статуте несомненно присутствуют, но едва ли в значительном количестве. Они выступают лишь как известное построение в правовых нормах иного происхождения и при том захватывают не все стороны этики и не все области права; иногда они не более как параллели к инородным нормам, занимающим в статуте господствующее место” (стр. 489).

Несколько особняком в ряду исторических работ Флоринского стоит его небольшая, но весьма ценная заметка “К вопросу о богомилах” (“Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В.И. Ламанскаго”, СПб., 1883. Стр. 33–40). Автор знакомит здесь читателей с чрезвычайно интересным актом проклятия против богомилов, составленным на Терновском соборе 11 февраля 1211 г. при царе Бориле и дошедшем до нас в одном среднеболгарском сборнике XIV в. Софийской народной библиотеки. Издавая части текста, Флоринский снабдил их историческим комментарием, нисколько не потерявшим своего значения даже после издания памятника Попруженко (Синодик царя Борила. Одесса, 1899).

Важный вопрос, как рано в Моравии, рядом с введенным Кириллом Солунским славянским богослужением по восточному обряду, явилась славянская литургия по латинскому, решает Флоринский в статье “Новое открытіе в области глаголицы и вопрос о происхожденіи славянскаго миссала” (Кіев. Унив. Изв., 1890. Стр. 1–16). Внешним поводом для этого краткого, но весь-

ма ценного исследования послужили открытие и издание ак. Ягичем “Венских глаголических отрывков” (*Glagolica Wuerdigung neuentdeckten Fragmente. Wien, 1890*). Глубокая древность этого памятника и очевидная его палеографическая и лингвистическая связь с Киевским миссалом заставили Ягича в своем исследовании выставить гипотезу, что уже сам Мефодий принужден был сделать уступку врагам славянского богослужения, введя на место восточнославянской литургии богослужение, хотя и на славянском языке, но по западному (римскому) обряду. Флоринский разбивает аргументы знаменитого слависта, подчеркивая их поспешность и неполноту. В частности, особенно остроумны наблюдения Флоринского относительно употребления слова “мышь” в нынешних житиях – употребления, которому придает такой вес Ягич. Флоринский совершенно верно указывает, что это слово встречается только в тех местах обоих житий, которые буквально переведены с латинского документа или находятся под его влиянием.

Гораздо более поздний глаголический миссал Хервои, воеводы боснийского и герцога сплетского (окт. 1404 г.), великолепно изданный Ягочем, *Thalloscy’em* и *Wickhof’om* (*Missale glagoliticum Hervoiiae ducis Spalatensis. Vindobonae, 1891*) вызвали обстоятельную критико-библиографическую заметку Флоринского на страницах Киевского университетского органа (1892 г.). Не щадя самых лестных эпитетов для технической и критической стороны издания, Флоринский подчеркивает здесь многочисленные следы греко-восточного влияния на состав этого в общем чисто католического служебника. Влияние это шло так далеко, что некоторые молитвы миссала целиком заимствованы из греческих евхологиев или славянских требников (типа Синайского). В частности, что касается молитв на пострижение дитяти, то Флоринский, вопреки Ягичу, полагает, что они были заимствованы глаголитами из греко-славянских требников гораздо ранее XV в.

В эпоху первых веков славянской письменности переносят нас статьи: “Нѣскольکو замечаний о надписи царя Самуила” (*Изв. Русск. Археол. Института въ Константинополѣ. Т. IV. Вып. 1. 1899*) и “Къ вопросу о древности и взаимныхъ отношеніяхъ кириллицы и глаголицы” (*Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. 1900*). Первая статья написана по поручению директора Института Ф.И. Успенского и представляет тонкий палеографический и лингвистический анализ этого древнейшего датированного памятника славянской письменности. А вторая статья делает на основании того же памятника некоторые выводы относительно приоритета кириллицы перед глаголицей.

Много интересных замечаний и византинист, и славист найдут в превосходных поминальных статьях о Миклошиче (*Памяти Миклошича. К ев. Унив. Изв., 1891*) и Рачком (*Жизнь и труды д-ра Фр. Рачкого, первого председателя Югославянской Академіи. Киев. Унив. Изв., 1895*), написанных Флоринским под свежим впечатлением известий об их кончине. В последнем этюде, кроме мастерской характеристики значения трудов по югославянской истории незабвенного хорватского академика, находим и полный библиографический перечень его работ.

До сих пор мы говорили о Флоринском как о историке. Но, конечно, его научно-литературный портрет остался бы недорисованным, если бы мы не сказали о нем несколько слов и как о филологе и этнографе. Хотя Флоринский и не прошел строгой лингвистической школы, однако он сумел обогатить

тить славянскую филологию трудом, донныне являющимся лучшим и наиболее полным университетским пособием для изучения славянских языков. Я имею в виду его прекрасные двухтомные “Лекции по славянскому языкознанию” (Киев, 1895–1897). А как этнограф, Флоринский первый после Шафарика дал систематический очерк всего славянства как одного этнографического целого под названием “Славянское племя” (Киев, 1907). Этот капитальный труд, вместе с приложенной к нему превосходной этнографической картой, нисколько не потерял значения и после выхода в свет подобного труда чешского профессора Л. Нидерле.

Таковы главные плоды свыше 40-летней научно-литературной деятельности киевского профессора. Они наглядно показывают, какую невознаградимую потерю понесла русская наука, а вместе с нею и все славянство, с его преждевременной кончиной...

Славянский глас. 1929. Кн. 3. С. 79–83; Кн. 4. С. 124–128

* * *

1
2
Замечательный российский славист Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) был по преимуществу филологом, но отличался широким интересом к культурной жизни славянства. Его статья о трагически погибшем в 1939 г. среди 52-х расстрелянных большевиками заложников крупном отечественном слависте, исследователе славяно-византийских отношений Тимофее Дмитриевиче Флоринском (1854–1919) интересна не только по своему содержанию, у нее необычная судьба. Ильинский, видимо, написал статью специально для малотиражного и не пользующегося популярностью болгарского журнала “Славянски глас” (она была опубликована в кн. 3/4 за 1919 г.), чтобы избежать неприятных для себя последствий, неизбежных в случае появления статьи о расстрелянном “монархисте” и “реакционере” в более распространенных изданиях. Ранее, прибегнув к этому способу, ему уже удалось обойти советские цензурные рогатки: ученый опубликовал в “Славянском гласе” (1926. Кн. 1/2 и 3) полный текст статьи “Что такое славянская филология?”, напечатанный на родине в искаженном цензурой виде. К сожалению, обе появившиеся в журнале статьи Г.А. Ильинского остались неизвестными в научном мире: софийский журнал издавался Славянским обществом Болгарии и был рассчитан не на славистов, а на болгарских ревнителей “славянской идеи”.

Судьба Ильинского столь же трагична, как и судьба его “героя” Т.Д. Флоринского: ученого арестовали в начале 1934 г. по так называемому “делу славистов”, и 14 декабря 1937 г. он был расстрелян. Статья же Г.А. Ильинского была прочно забыта, и лишь теперь становится достойным научной общественности.

А.Н. Горяинов